

Глава 21. Новый год

—

— Почерк нашего господина и его рисунки – просто загляденье! Многие спрашивали, всё раскупили, осталось всего три штуки.

— Сколько за одну?

— Отдаю за восемнадцать вэней. Продаю по дешевке, чтобы поскорее работу закончить и домой вернуться, а то, глядишь, снова снег пойдет.

Цинь Сяомань бесшумно подошел ближе. Он не ошибся: этот мальчишка и впрямь всю торговал, и дела у него шли бойко – люди то и дело подходили прицениться. Сяомань терпеливо дождался, пока покупатель уйдет, и только тогда шагнул вперед.

Ван Чжу-цзы сегодня продал немало новогодних картин и теперь счастливо прятал деньги в кошелек. Он уже прикидывал, что бы такое купить к празднику, как вдруг кто-то хлопнул его по плечу, и над ухом раздался холодный голос:

— И чем это ты тут торгуешь?

— Брат... брат Сяомань!

Увидев, кто перед ним стоит, Чжу-цзы похолодел. Он инстинктивно попытался спрятать кошелек поглубже за пояс.

Сяомань, заметив это движение, нахмурился:

— Ты чего? Будто я у тебя деньги отобрать хочу.

— Нет-нет...

— С чего это ты вдруг начал продавать новогодние картины? Откуда они у тебя?

Чжу-цзы быстро нашелся:

— Я их в книжной лавке взял на перепродажу.

Сяомань смерил его недоверчивым взглядом. Его не так-то просто было провести. В книжной лавке и впрямь можно взять товар, но сначала его нужно выкупить по оптовой цене. Если они продаются по восемнадцать вэней, то даже самая низкая закупочная цена не может быть один-два вэня. Откуда у этого пацана такие деньги?

— Хватит заливать. Я и так всё понял. Ну и ну, значит, вы двое за моей спиной...

Сяомань еще не договорил, а Чжу-цзы уже «раскололся»:

— Нет-нет, брат Хэн не нарочно хотел тебя обмануть!

Услышав это, Сяомань еще сильнее нахмурился:

— Так это и впрямь Ду Хэн тебе их дал!

Он лишь догадывался, что Ду Хэн причастен к этому делу, и не ожидал, что мальчишка так легко поддастся на провокацию и выложит всё как на духу. Ван Чжу-цзы слишком поздно понял, что проболтался, и испуганно зажал рот рукой.

Сяомань ледяным тоном приказал:

— А ну, выкладывай всё без утайки!

Чжу-цзы вздрогнул от окрика. Он всё-таки побаивался Сяоманя, поэтому честно рассказал, как Ду Хэн рисовал картины с иероглифом «Счастье», а он носил их продавать в уезд.

— Брат Сяомань, ты только не вини брата Хэна. Мужчине всё-таки нужно иметь при себе немного денег. Брат Хэн хоть и хромает, но он талантливый, вон как зарабатывать умеет! В нашей деревне мало кто с ним сравнится.

Сяомань зыркнул на него:

— Тебя еще забыл спросить, как мне быть.

Чжу-цзы тут же прикусил язык.

Сяомань немного смягчился:

— Ну и как сегодня торговля?

— Сегодня последний раз в этом году в город выбрался, так что идет лучше, чем раньше. Всего пара штук осталась, отдам подешевле и мигом уйдут.

— Ладно, иди торгуй дальше, — отозвался Сяомань.

Видя, что Сяомань не сердится, Чжу-цзы с облегчением выдохнул. Он уже собрался уходить, но вдруг спохватился и снова подбежал к Сяоманю:

— Брат Сяомань, а ты не мог бы не говорить об этом брату Хэну? А то он мне больше не позволит картины продавать.

— После Нового года их и так никто не купит.

— А на следующий год? А через год?

Сяомань хотел было сказать, что никто не знает, что будет потом – вот они тоже надеялись продавать соленья долго, а в итоге не успели и пары раз съездить, как другие всё подчистую скопировали.

— Ладно, иди. Я ничего не знаю.

Чжу-цзы просиял:

— Спасибо, брат Сяомань!

Проводив его взглядом, Сяомань вздохнул. Он-то думал, что Ду Хэн само простодушие, а тот, оказывается, копит деньги у него за спиной.

Копит деньги?

Сяомань нахмурился, в душе зашевелилось сомнение: зачем Ду Хэну деньги?

Хоть сам Сяомань и не давал ему наличности, но Ду Хэн жил в его доме на всём готовом, ел трижды в день, и Сяомань следил, чтобы на столе всегда было мясо ради его скорейшего выздоровления. На что ему тратиться?

Неужели он и впрямь копит деньги, чтобы сбежать?

При этой мысли сердце Сяоманя кольнуло, будто острой иглой.

Домой он вернулся в тяжелых раздумьях.

Ду Хэн смотрел в окно на начинающийся снегопад и беспокоился, что Сяомань замерзнет, как вдруг тот показался в воротах под зонтом. Ду Хэн вышел встречать:

— Хорошо, что ты рано вернулся, а то снег скоро в полную силу повалит.

Увидев Ду Хэна, всё такого же мягкого и спокойного, Сяомань немного приободрился. То, что этот человек ждал его у порога, согрело душу. Он поставил корзину под навес:

— Купил рыбу. Пришел поздно, хотел взять покрупнее, но всё уже разобрали, осталась только эта, чуть больше двух цзиней.

Ду Хэн приподнял корзину с черным амуром:

— Достаточно. Будет много блюд - всё не съедим. Посадим её в чан с водой на пару дней, съедим в канун Нового года.

— Угу.

Ду Хэн, оберегая ногу, пошел пристраивать рыбу. Обернувшись, он увидел, что Сяомань застыл на месте и смотрит на него в упор.

— Что такое? Почему ты сегодня такой поникший?

— Ничего, — Сяомань принялся убирать корзину. — Хотел купить парные надписи, чтобы в доме праздничнее стало, да из головы вылетело.

— Подумаешь, беда! У нас есть красная бумага, я сам напишу, — Ду Хэн не сводил с него глаз.

— Всё-таки, что случилось?

Видя, что Ду Хэн не отстаёт, Сяомань сказал полуправду:

— Соленья больше не продать.

Он рассказал о том, что случилось в городе. Ду Хэн, выслушав, нахмурился. Он и сам понимал, что этот бизнес не будет вечным - у поваров в ресторанах языки острые, а в их соленьях не было какого-то невероятного секрета, просто масло и порошок из сушеных креветок. Рано или поздно повара должны были догадаться. То, что удалось заработать пару раз - уже хорошо.

Он был к этому готов, но понимал, что для ребенка, потерявшего источник дохода, это удар.

— Ничего страшного. Потом придумаем другой способ заработать.

— Угу.

Сяомань верил, что Ду Хэн способен делать деньги из воздуха. Талантливый человек во всём видит выгоду, а бездарь только тратит и беднеет. Раньше он гордился способностями Ду Хэна, а теперь вдруг захотел, чтобы тот был чуть менее самостоятельным, как «красивая ваза» - тогда бы на душе у Сяоманя было спокойнее.

[*«Красивая ваза» (花瓶, huāpíng) — так описывают человека с очень привлекательной внешностью, но не обладающего талантами или полезными навыками.]

Сяомань не был из тех, кто затевает ссору из-за пустых подозрений, но это не значило, что ему не было тревожно. Его злил не Ду Хэн, а он сам - за то, что позволил чужим пересудам о возможном уходе мужа испортить себе настроение.

Ведь когда он привел Ду Хэна, все смеялись, что тот калека, а когда он пошел на поправку - заладили, что Сяомань ему не пара. Сяомань мог бы просто обругать их в ответ, но в случае с Ду Хэном он не был уверен в его чувствах, а потому не мог спорить с полной уверенностью.

Вроде бы Ду Хэн собирался остаться - ведь он давал советы, как заработать. Но в то же время он держался с ним очень отстраненно. В душе Сяоманя застряла заноза.

Однако праздничные хлопоты не давали времени на долгие раздумья. Перед Новым годом нужно было провести большую уборку. Нужно было смести паутину с потолков и балок, перемыть всю мебель и посуду. Комнат было много, а рук мало, так что работа была изматывающей. Только к тридцать первому числу они закончили всё прибирать. Сяомань вымотался настолько, что на дурные мысли сил не осталось.

В прошлые годы он всё делал один, а теперь рядом был Ду Хэн, который полностью взял на себя праздничный ужин.

В день наступления Нового года, еще до сумерек, со стороны восточного края деревни донеслись звуки хлопушек. Каждый год богатый помещик в их деревне садился за праздничный стол раньше всех. Сяомань тоже хотел купить хлопушек для настроения, но из-за неудачи с соленьями расстроился и не купил многое из того, что планировал.

В итоге Ду Хэн нашел бумагу, оставшуюся от отца Сяоманя, и написал две пары надписей, которые они наклеили на ворота. Проходившие мимо соседи даже спрашивали, где они купили такую красоту. А еще Ду Хэн на свои деньги попросил Чжу-цзы принести из города два красных фонаря - их повесили у входа, по одному с каждой стороны.

Теперь, когда дом украсился красным цветом, в воздухе по-настоящему запахло праздником. На душе стало светлее.

— Издалека аромат чувствую! Вы с Ду Хэном и впрямь не придете к нам на ужин? — Спросил Цинь Сюн, шагая по тропинке, укрытой грязным снегом. Сяомань в это время резал редьку на маленьком каменном мостике во дворе.

— Я же говорил: в этом году мы с Ду Хэном празднуем вдвоем.

Цинь Сюн вошел во двор:

— А что у вас на ужин? Пахнет-то как...

Сяомань бросил редьку и потащил дядю на кухню:

— Сегодня мой муж готовит, блюд будет много!

Войдя, Цинь Сюн увидел Ду Хэна в фартуке. Тот обжаривал специи, и вся кухня была наполнена их густым ароматом.

— Второй дядя пришел, — поздоровался Ду Хэн.

Цинь Сюн с недоверием подошел к плите и заглянул в котел, где в масле шкварчали лук, имбирь и чеснок:

— Ты и впрямь умеешь готовить?

— Конечно! Я же говорил, а ты не верил, — с гордостью вставил Сяомань. — Моя свекровь, которую я так и не увидел, была поваром, так что и муж кое-что умеет.

Сяомань приоткрыл крышку другого котла, из которого валил пар:

— Старая курица с лапшой.

Затем открыл миску, стоявшую в стороне:

— А это копченое мясо для подношения богам.

Цинь Сюн кивнул на железный котел, в который Ду Хэн как раз долил ковш воды:

— А это что будет?

— Сяомань купил речную рыбу, хотим приготовить рыбу с кислой капустой.

Цинь Сюн причмокнул губами. Хоть он и сам едал немало вкусного, но видел впервые, чтобы рыбу варили в воде, где сначала обжарили в масле перец хуацзяо, чили, имбирь и чеснок. Дядя мало что смыслил в кулинарии, но аромат был просто сногшибательным.

Когда в котел пошла кислая капуста, смешиваясь с ароматом специй, рыбный запах окончательно исчез. Цинь Сюн, отбросив скромность, попробовал кусочек рыбы, который Ду Хэн подал ему на палочках, спрашивая, достаточно ли соли. Дядя проглотил его почти не жуя.

— Слишком горячо, даже вкуса не разобрал.

Ду Хэн тут же подал ему еще кусочек. Дядя сам взял палочки, подхватил рыбу вместе с кусочком капусты и отправил в рот. После нескольких кусков он наконец вынес вердикт:

— Вот теперь распробовал! Вкуснотища!

Сяомань, стоя в стороне и уперев руки в бока, сердито зыркнул на дядю. Ду Хэн тут же взял другие палочки, выбрал кусочек получше и поднес к губам Сяоманя. Тот сразу перестал хмуриться.

— Второй дядя, рыбы тут два-три цзиня, да и других блюд полно. Давай я налью тебе чашку, отнесешь домой попробовать? — предложил Ду Хэн.

Цинь Сюн замахал руками, хотя глаз от котла не отрывал:

— Не надо, не надо! Твоя тетя сегодня тоже наготовила всякого. Я вообще-то пришел вас звать.

Но, помедлив, добавил:

— Правда, твоя тетя рыбу готовить не умеет, в этом году мы её и не покупали.

Увидев, что Сяомань молчит, Цинь Сюн посмотрел на него:

— Верно ведь, Мань гер? Тетя твоя рыбу отродясь не варила. А у Ду Хэна талант! Такая закуска, скажу я вам, под вино - самое то!

Сяомань достал из шкафа глубокую пиалу и, не скупясь, наложил в неё полную порцию рыбы с кислой капустой.

Цинь Сюн принял чашу, но продолжал ворчать для вида:

— Ой, ну зачем же так много! Налил бы немного бульона своей тете и остальным на пробу, и хватит... А тут целая гора...

—

<http://bllate.org/book/14888/1327110>